

Порушення переважного права на придбання акцій може полягати не лише у їх продажу без попереднього повідомлення інших акціонерів, але й у відступленні цього права іншій особі. Відповідно до ч. 6 ст. 7 Закону України «Про акціонерні товариства» уступка зазначеного переважного права іншим особам не допускається. При такому порушенні переважного права на придбання акцій переведення прав та обов'язків за договором не може бути застосовано, оскільки іншим акціонерам уже належить їх власне переважне право. Переведення прав та обов'язків за договором у таких випадках не призвело б до захисту порушеного права.

А. В. Смитюх

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедри адміністративного і господарського права
Одеського національного університету імені І. І. Мечникова

БЕСТЕЛЕСНОЕ ИМУЩЕСТВО И СИМВОЛИЧЕСКИЕ ОБОРОТОСПОСОБНЫЕ ОБЪЕКТЫ

Категория бестелесных вещей впервые упоминается в Институциях Гая: «Бестелесные — это те вещи, которые не могут быть осязаемы; к таковым принадлежат те, которые заключаются в праве, например, наследство, usufruct, обязательства, каким бы то ни было образом заключенные, и нисколько не важно то, что в наследстве заключаются физические вещи, ибо и плоды, которые собираются с земли, суть физического характера, а также и то, что нам следует по какому-либо обязательству, большею частью есть физический предмет, как, например, земля, раб, деньги; но самое право наследования, право usufructa, обязательственное право считаются *res incorporales*, т. е. бестелесными вещами» (Gai. 2.14) [1, с. 46] с последующим воспроизведением этого отрывка в Дигестах (D. 1.8.1) [2, с. 174].

Немецкая пандектистика XIX века критически отнеслась к категории бестелесной вещи [3, с. 200], что впоследствии было

отражено и в BGB, § 90 которого устанавливает, что закон признает вещами только материальные предметы [4].

Схожим образом классическая отечественная наука не признавала бестелесные вещи: Д. Д. Grimm утверждал, что «нельзя рассматривать римское деление *res* на *res corporeales* и *res incorporeales* как деление объектов права» [5, с. 102], К. П. Победоносцев отмечал, что такое деление не вызвано практической необходимостью [6, с. 87], Ю. С. Гамбаров считал, что разделение на *res corporeales* и *res incorporeales* создает метафизические конструкции, которые ничего не объясняют и осуждаются практикой жизни, поскольку само понятие бестелесной вещи содержит внутреннее противоречие [7, с. 591].

Соответственно современные романисты также рассматривают бестелесные вещи, которые упоминает Гай, именно как права, настаивая на том, что основная идея этой концепции — подчеркнуть, что права могут быть объектами отношений [8, с. 125; 9, с. 325].

Вместе с тем современное состояние общественных отношений, практика сегодняшней правовой жизни с распространением цифровых технологий, возникновением бездокументарных ценных бумаг, существованием долей в уставных (складочных) капиталах, не имеющих природы ценной бумаги (далее — доли), напротив, свидетельствуют о необходимости распространения режима вещи на определенные абстракции и развития институтов, которые обобщенно можно понимать именно как бестелесные вещи.

Отказ от категории бестелесной вещи, как отмечает Д. В. Мурзин, заставил правоведов развить концепцию «права на права», которая, по мнению этого исследователя, «ником образом не менее спорна, чем теория бестелесных вещей» [10], и которая, по словам упоминавшегося выше Ю. С. Гамбарова, чужда римскому праву, поскольку была разработана уже немецкой юриспруденцией XIX века [7, с. 590].

Д. В. Мурзин справедливо указывает на то, что бестелесные вещи и «права на права» это разнопорядковые и, более того — конкурирующие юридические конструкции [10].

В ряде своих работ автор данных тезисов обосновывал невозможность решить проблему правовой природы долей в устав-

ном капитале и бездокументарных ценных бумаг на основании юридической конструкции «прав на права». По нашему мнению, данные правовые феномены следует рассматривать как оборотоспособные символы соответствующих прав. Ценная бумага, доля в уставном капитале сущностно не равняются правам, которые они представляют в обороте, не являются они также и оболочкой прав — они удостоверяют права, а значит — являются их знаками-символами в самом строгом, семиотическом значении этих слов [11; 12]. Таким образом, возникает следующий вопрос — чем, в свою очередь, являются такие оборотоспособные символы.

По нашему мнению, ответ на этот вопрос способна дать юридическая конструкция бестелесной вещи — *res incorporeales*, которую С. С. Алексеев называет одной из фундаментально-правовых категорий, способных реализовать конструктивную перспективу развития категориального аппарата права [13, с. 22–23].

Следует отметить, что данная категория закреплена в позитивном праве некоторых стран, например, в «Коммерческом законе» Латвийской Республики 2000 года [14]. Пункт 2 ст. 18 «Понятие предприятия» оговаривает, что «в предприятие входят принадлежащие коммерсанту телесные и бестелесные вещи, а также другие хозяйственные блага (ценности)», а п. 1 ст. 153 «Имущественное вложение» устанавливает, что «предметом имущественного вложения может быть оцениваемая в денежном выражении телесная или бестелесная вещь, которая может быть использована в коммерческой деятельности общества, за исключением вещей, на которые в соответствии с законом не может быть обращено взыскание».

Исходным тезисом для понимания сущности категории бестелесной вещи может быть утверждение Д. Братуса о том, что в ее основе лежит право собственности, перешедшее в информационную сферу, но сохранившее правовое качество абсолютности [15, с. 67].

Заслуживает внимания видение юридической конструкции бестелесной вещи, предложенное Д. В. Федотовым. По мнению этого автора, состояние присвоенности бестелесного имуще-

ства, предоставляющее субъекту наиболее полное господство над ним, означает:

- а) существование отношений присвоения нематериальных разновидностей имущества, складывающихся между лицом, которому такое имущество принадлежит, и третьими лицами;
- б) существование абсолютного права в отношении данного объекта [16, с. 10].

Очевидно, что бездокументарные ценные бумаги и доли полностью подпадают под указанные критерии: они воспринимаются как «что-то» и к ним безусловно применима категория права собственности.

Следует, впрочем, отметить, что в конце концов к бестелесному имуществу Д. В. Федотов относит корпоративные и обязательственные права (включая безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги), то есть — бездокументарные ценные бумаги и доли понимаются им как бестелесное имущество и, в то же время — как определенные права: фактически юридическая конструкция «бестелесной вещи» сводится данным исследователем к концепции «прав на права» [16, с. 11].

По нашему мнению, символические оборотоспособные объекты, такие как бездокументарные ценные бумаги и доли, являются бестелесным имуществом и, одновременно — безусловно отличны от удостоверяемых ими прав, которые не могут, в свою очередь, участвовать в обороте в отрыве от удостоверяющих их символов, полностью замещающих такие права в обороте.

Только такое понимание природы долей в уставных (складочных) капиталах и бездокументарных ценных бумаг может быть положено в основу внутренне непротиворечивой концепции и стать основанием для надлежащего правового регулирования.

Литература

1. Институции Гая // Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. — М.: Зерцало, 1997. — С. 45–151.

2. Дигесты Юстиниана // Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. — М.: Зерцало, 1997. — С. 152–598.
3. Гражданское и торговое право капиталистических государств: учебник. — Изд. 3-е, перераб. и доп. — М.: Международные отношения, 1993. — 522 с.
4. Bürgerliches Gesetzbuch vom 18 August 1896 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/> — Название с экрана.
5. Гримм Д. Д. Лекции по догме римского права / Д. Д. Гримм. — М.: Зерцало, 2003. — 496 с.
6. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права / К. П. Победоносцев. — М.: СТАТУТ, 2002. — 800 с.
7. Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть / Гамбаров Ю. С. — М.: Зерцало, 2003. — 816 с.
8. Хвостов В. М. Система римского права: учебник / В. М. Хвостов. — М.: Спарк, 1996. — 522 с.
9. Дождев Д. В. Римское частное право: учебник / Д. В. Дождев. — М.: Издательская группа ИНФРА-М-НОРМА, 1999. — 784 с.
10. Мурзин Д. В. Бестелесные вещи / Д. В. Мурзин [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.privatelaw.ru/index.php/ru/izdatelskaya-deyatelnost/d-v-murzin-bestelesnye-veshchi> — Название с экрана.
11. Смитюх А. В. Правовая концепция оборотоспособных символов прав / А. В. Смитюх // Права держава. — 2016. — № 23. — С. 88–93.
12. Смітюх А. В. Акція як символічний оборотоздатний об'єкт прав / А. В. Смітюх // Jurnalul juridic național: teorie și practică. — 2015. — № 4(14). — С. 82–87.
13. Алексеев С. С. Гражданское право в современную эпоху / С. С. Алексеев. — М.: Юрайт, 1999. — 40 с.
14. Коммерческий Закон Латвийской Республики от 13.04.2000 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: // http://www.pravo.lv/likumi/02_kz.html. — Название с экрана.
15. Братусь Д. А. Институт бестелесных вещей в гражданском праве: проблемы теории и практики / Д. А. Братусь // Объекты гражданских прав: материалы международной научно-практической конференции (Алматы, 25–26 сентября 2003 г.). — Алматы: КазГЮУ, 2004. — С. 65–78.
16. Федотов Д. В. Бестелесное имущество в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.03 / Д. В. Федотов. — Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2012. — 30 с.